

Шевнин И.Л.

Отношение светской власти к старообрядческой церкви в Северной Маньчжурии и Китае в 1920-1930.

Историю старообрядческой церкви в разные периоды Российской истории в Китае и Северной Маньчжурии исследовали на сегодняшний день несколько авторов: Аргудяева Ю.В., Белошитская Е.Н., Бураева С.В., Васильева С.В., Ванчев А.И., о. Елисей Елисеев, Кобко В.В., Лобанов В.Ф., Сердюк М.Б., Тимофеев В.В., Юхименко Е.М., Цукада Ц.

Пока ещё актуален тезис о том, что современная историческая, этнографическая, церковная литература пока не даёт полностью адекватного представления о положении старообрядческой церкви в Китае и Северной Маньчжурии. Скорее можно говорить, что имеются отрывочные сведения, порой к сожалению недостоверные (в интернете).

Целью статьи является показать на некоторых примерах отношение светской власти в деятельности Древлеправославной Церкви (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) в 1920-1930 годы в Трехречье и Харбине при различных политических режимах.

Здесь уместно подчеркнуть, что в истории взаимоотношений Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев приемлющих Белокриницкую иерархию) и светской власти в Северной Маньчжурии и Китае можно выделить три периода. Первый период - когда Китайско-Восточная Железная Дорога (КВЖД) управлялась русской администрацией до 1925 года, второй период - когда КВЖД перешла в совместное управление советской и китайской администрацией и третий период — после образования государства Маньчжу-Го.

Вначале кратко остановлюсь как начиналась церковная жизнь в Северной Маньчжурии на основе материалов в старообрядческих переодических изданиях. Авторами статей в журналах в 1920-1940 гг. являлись священники и миряне Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) проживающие в Северной Маньчжурии и Китае.

Журнал "Дальневосточный старообрядец" в 1935 году писал,

что в Маньчжурии старообрядчество появилось с самого начала постройки КВЖД и основания гор. Харбина [4, 7-12]. Впервые посетил сей край старообрядческий священник о. Дмитрий Смирнов в дни русско-японской войны в 1904 -1905 гг. для удовлетворения духовных треб военнослужащих, впервые в истории старообрядчества. После его отъезда Белокриницкие старообрядцы не имели никакой организационной связи между собой. В 1917 году мысль объединиться в приход была подана К.А. Кондратьевым. Сообщество старообрядцев включало в себя служащих КВЖД, работников различных фирм и предприятий, мелких предпринимателей, военных. Их общее собрание постановило открыть в Харбине старообрядческую общину и избрало для руководства делами Совет. Председателем стал М.В. Иванов, уроженец Новозыбкова. Постановление послали на утверждение епархиальной власти, существовавшей на Дальнем Востоке с 1911 года. Епископ Иркутско-Амурский и всего Дальнего Востока Иосиф (Антипин) его утвердил и предписал о.Артемию Соловьеву исполнять духовные требы по всей Маньчжурии. Также Совет ходатайствовал перед администрацией КВЖД об отводе земельного участка для постройки храма и субсидии на строительство. Фактически это ходатайство оставалось без движения до 1923 года.

С весны 1917 году начались социально-политические изменения на всей территории России. Переход власти к большевистским Советам в конце 1917 года и последовавшие за этим перемены остались без поддержки со стороны многих Белокриницких старообрядцев, проживающих в разных регионах России, как в Поволжье, так и в Забайкалье и Северной Маньчжурии. Начавшаяся затем гражданская война имела прямое отношение к дальневосточным старообрядцам.

Так журнал "Церковь на чужбине" писал, что в 1918 - 1919 гг. русские люди казаки приграничной полосы Забайкальской области Александровского и Нерчинско-Заводского уездов видя зверскую расправу коммунистов-большевиков с русским населением, жестокое преследование за религию, уничтожение нажитого трудами капитала начали эмигрировать на Монгольскую территорию и затем основали новые посёлки по трём рекам; Хаулу, Дербулу и Гану. С этой волной беженцев переселились туда и старообрядцы-казаки из станиц -

Донинской, Быркинской, Калгинской и посёлков Чупровского, Чащино-Ильдиканского и Воробьевского. Первоначально жили они разрозненно, не имея духовного руководителя [1, 3-6].

"Дальневосточный старообрядец" дополняет, что в 1919 году с архипасторским визитом вл. Иосиф посетил Харбин и служил в походном храме на частных квартирах, т.к. харбинцам тогда было не под силу иметь специальную квартиру для богослужений. В начале 1921 года он решает остаться в Харбине на более долгий срок и в своей квартире площадью в 40,97 кв.м. ставит алтарь и начинает совершать богослужения, исполняя обязанности и приходского священника.

В 1922 году вл. Иосиф с помощью старообрядцев с Юга Китая, арендует на участке садовода И.С. Яшкина маленький домик, к которому сделали пристройку площадью 45,52 кв.м., для помещения Петропавловского храма. Этот первый храм в Харбине располагался в Корпусном городке на 4-й улице, № 10.

Далее говорится, что в Маньчжурии (Барга) в Трехречье старообрядцы открыли два прихода и имеют двух священников: протоиерея И.Шадрина и священника И.Старосадчева, из села Бордагон, Амурской области, которые и являются их духовными руководителями [7, 18].

Таким образом, к началу 1920-х годов определились два района, где наиболее активно проходила церковная приходская жизнь — город Харбин и Трехречье.

Отношение светской власти к старообрядческой церкви в первый период в Харбине можно проиллюстрировать историей создания Петропавловского храма.

В конце 1922 года из Владивостока приехал в Харбин о. Иоанн Кудрин. Он стал настоятелем прихода после выбора харбинцев и утверждения еп. Иосифом. Журнал "Дальневосточный старообрядец" пишет [4, 8- 10], что "по вступлении в обязанности настоятеля, о. Иоанн первым долгом обратил внимание своих прихожан на то, что настоящее примитивное помещение, в котором помещается храм не соответствует своему назначению, а кроме того, оно еще и на заарендованном участке у лица, которое не принадлежит к старообрядчеству и может случиться так, что владелец участка не

захочет, чтобы был здесь хотя бы и импровизированный храм. А посему, во что бы то ни стало, надо найти возможность к приобретению собственного земельного участка, на котором можно было бы и создавать храм уже постоянный". Приходской Совет под председателем А.И.Дулисова, который в то время являлся агентом Правления КВЖД, согласился с доводами настоятеля и возбудил ходатайство об отводе участка под постройку храма и причтовых квартир перед Земельным отделом дороги, возглавляемым Н.Л.Гондатти.

"Земельный Отдел, получив заявление от Приходского Совета (копия с заявления была препровождена в Правление О-ва К.В.ж.д.), и не сразу удовлетворил просителей, а затребовал документы о легализации Прихода подлежащими гражданскими властями". Харбинские старообрядцы восприняли такое требование как несправедливое. Они прекрасно знали, что в 1923 году не один новообрядческий приход и даже Харбино-Маньчжурская епархия не были легализованы. Это было ими расценено как традиционное и привычное для их сознания и памяти возведение всяческих препонов старообрядцам. Но делать было нечего и они активно предпринимают шаги приближающие их к реализации мечты о храме. "Получив такое требование от Земельного Отдела, Совет Прихода немедленно выработал приходской устав, который утвердил преосвященный Иосиф и устав этот был препровожден для рассмотрения гражданской власти, каковая, рассмотрев устав в августе месяце 1923 года, зарегистрировала старообрядческий Приход в установленном для сего порядке. Копию с устава и извещения о регистрации Совет Прихода препроводил в Земельный Отдел.

После получения копии с документа о регистрации Старообрядческого Прихода в Харбине, Земельный Отдел, не находя более формальных причин для отказа в просьбе старообрядцев, вынужден был написать доклад в Правление О-ва К.В.ж.д. о представлении земельного участка для постройки старообрядческого храма и причтовых квартир". Харбинские старообрядцы увидели, что их заветная мечта начала осуществляться. В постановлении, которое приняло Правления КВЖД 27 мая 1924 года говорилось, что Земельному отделу разрешено "предоставить Приходскому Совету

Харбинского Старообрядческого О-ва в долгосрочную аренду безвозмездно земельный участок за № 360 по Ляоянской улице, мерою четыреста двадцать (420) кв. саж., под постройку храма и причтовых квартир". Земельный Отдел поставил в известность об этом Совет Харбинского Старообрядческого прихода 12 июня 1924 года.

Отсутствие достаточных сумм денег оставалось быть трудностью для прихода. В приходской жизни с 1917 года к середине 1920-х произошли изменения. "Некоторые покинули Харбин в поисках за морями "счастливой Аркадии", военные разъехались по родным местам, а оставшиеся, с разными переменами денежных знаков, обедняли; беженская масса тоже повытрясла свои кошельки с переселением с места на место, хотя у ней эти кошельки с отбытием со своих родных мест и не были туго набитыми, т.к. все годами нажитое, имущество или у них оказалось разграбленным или просто они его бросили, как говорится, на произвол судьбы. Остается только одно - надежда на Бога и старообрядцы с глубокой верой на Него надеялись, помня изречение св. Апостола: "от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает" (Римл. 5,3-5)".

Учитывая факт финансовой поддержки новообрядческого духовенства, одновременно Харбинский приходской Совет возбудил ходатайство перед управляющим дорогой об открытии кредита на содержание нескольких человек старообрядческого причта по всей линии КВЖД, с местопребыванием в Харбине. Для этого, по обыкновению, послали специальную делегацию к начальству. "Управляющий дорогой инжен. Б.В.Остроумов, приняв делегацию от старообрядцев, выслушал её, и взяв письменное заявление, любезно пообещал сделать все от него возможное и полезное для старообрядцев. И он это свое обещание честно исполнил; возбудил ходатайство о нуждах старообрядцев-служащих и рабочих дороги перед правлением О-ва К.В.ж.д.

Правление же с доводами управляющего вполне согласилось, санкционировав кредит на содержание старообрядческого духовенства, обслуживающего нужды служащих и рабочих старообрядцев на К.В.ж.д. в сумме 4800 зол. руб. в год. А так как кредит этот не вошел в смету на 1924 г., то управляющий дорогой Б.В. Остроумов, при

благожелательном отношении архиепископа Мефодия (в ведении коего было духовенство К.В.ж.д.), приказал выдать старообрядческому причту за 1924 год субсидию в сумме 2300 зол. руб. из кредита по Церковному Отделу К.В.ж.д.

Эти средства, предназначенные духовенству Харбинского Старообрядческого Прихода, последним были любезно предоставлены в распоряжение Приходского Совета, каковые и послужили первым камнем для создания старообрядческого храма в г. Харбине.

Кроме сего, большие материальные услуги по строительству казаны были: Ф.А. Гордеевой, которая, по смерти своего брата Ф. Гордеева (чайного торговца в Харбине, беженца из Казани, умершего в феврале 1924 г.), пожертвовала на постройку храма 2000 иен и А.Н. Первушиной (матерью известного бывш. екатеринбургского мукомола П.С.Первушина, ныне проживающего в Харбине), которая тоже щедро вложила в это благое дело не только оставшиеся от бывшего состояния денежные крохи, но отдала и ценные вещи, служившие некогда украшением ее молодости".

"18 августа стар.ст. 1924 года старообрядцы г. Харбина праздновали закладку своего собственного храма. Богослужения совершал преосвященный Иосиф еп. Иркутско-Амурский и всего Дальнего Востока в сослужении настоятеля Харбинского Прихода проиер. И. Кудрина и священника Иоанна Старосадчева (прибывшего с Амура в июле 1923 года). На торжестве присутствовали, кроме старообрядцев, много и новообрядцев, которые с большим вниманием следили за богослужением, его понятностью, простотой, а главное, полностью и благоприличием, которого они наблюдают в своих храмах.

Начата в конце августа постройка к концу октября уже кирпичная кладка была окончена (храм и квартиры строились из кирпича). В ноябре были покрыты крыши и на купол воздвигнули св. Крест. Вчерне постройка окончилась. Осталось только внутренняя отделка, которую и было решено производить весной 1925 года".

Харбинские старообрядцы не располагаящие достаточными средствами для большой стройки, очень надеялись на помощь извне. И поначалу такая надежда оправдывалась. Но на КВЖД осенью 1924 года ситуация изменилась и такие надежды рухнули.

И здесь начинается второй период в истории отношений светской власти и старообрядческой церкви в Харбине. Журнал далее повествует так. "В октябре 1924 года на К.В.ж.д. к власти пришли новые лица, которые прекратили всякую помощь религиозным организациям. Всякие кредиты на поддержание какого бы то ни было духовенства были прекращены, даже и субсидию, разрешенную Б.В.Остроумовым, старообрядческому духовенству с большим трудом удалось получить (при Остроумове было только получено 250 зол. руб.) и то только благодаря недюженной настойчивости настоятеля о. Кудрина, о будущей же помощи даже и мыслить не приходилось. А средства были нужны, как говорят дозарезу. Нужно было платить и подрядчику, производившему работы и за материалы. Совет прихода не нашел иного выхода из положения, как только взять ссуду в Банке О-ва Харбинских Домовладельцев и Земледельцев, каковая и была позаимствована в сумме 2000 иен, чем и покрыли накопившиеся долги по постройке".

Дождавшись весны 1925 года, необходимо было начинать работы по внутренней отделке храма и квартир, а денег всё не было. "На выручку пришло духовенство: преосвященный Иосиф отдал все свои сбережения (2500 иен) и немало дал взаимобрязно и настоятель о.Кудрин. Вот на эти-то средства и на средства, собранные по подписке, и была окончена постройка храма и причтовых квартир".

И вот наконец, харбинские старообрядцы дожили до торжественного освящения только что построенного храма во имя святых Верховных Апостолов Петра и Павла, которое состоялось 22 июня по ст.стилю. Это торжество проходило для всех старообрядцев, живущих по линии КВЖД. [4, 11-12]

После чина освящения храма и после св. Литургии в помещении квартиры для причта была предложена трапеза, как прихожанам, так, равно и гостям их.

А трапезу, разделить торжество старообрядцев, прибыл и новообрядческий архиепископ (Харбинский и Маньчжурский) Мефодий, который, облобызавшись с преосвященным Иосифом, поздравил его и весь старообрядческий Приход с великим торжеством освящения новосозданного храма, высказал свою любовь к древности, каковую содержат старообрядцы и пожелание не только возрождения

родины св. Руси, но и объединения всех русских в одну духовную семью под водительством единой святой соборной и апостольской Церкви.

Преосвященный Иосиф благодарил архиепископа Мефодия за посещение и поздравления и, со своей стороны, выразил большое удовольствие тому, что архипастырь, некогда господствующей в России церкви, не погнушался посетить архипастыря, некогда безправных в своем отечестве, сказав:

- Если бы было побольше таких как вы, владыка, то можно бы вполне быть уверенным в том, что мир церковный не за горами, русские люди нашли бы общий язык, общие мысли и помирились бы; но к нашему несчастью, таких как вы, мало и даже почти незаметно...

По окончании трапезы архиепископ Мефодий осматривал храм. Похвалил за ревность храмоздателей и с большим интересом рассматривал св. иконы, как древние, так равно и писанные с древних подлинников..."

Через неделю, уже в новом Петропавловском храме, прошёл храмовый праздник. Затем приходской Совет возномерился созвать общее собрание харбинского прихода, где собирался представить отчетный доклад о своей деятельности по постройке церкви и причтовых квартир и предложить избрать комиссию для проверки прихода-расхода денежных средств.

"Собрание (1/14 июля) состоялось, доклад был заслушан, Совету Прихода выражена благодарность за труды по постройке, а епископу Иосифу благодарность за его отзывчивость и великую материальную помощь; для того же, чтобы не было сомневающихся в правильности отчета, была избрана комиссия для проверки прихода-расхода, которая и выполнила возложенную на нее миссию, представив свое заключение на очередное Общее Собрание Прихода, которое в свое время и утвердило отчет по постройке".

По окончании строительных работ остался за Приходом небольшой долг. Харбинцам вначале казалось, что его оплата ляжет тяжёлым бременем на плечи прихожан, но к 1935 году, когда больших нужд уже не наблюдалось, они верили, что тот долг постепенно уменьшится и вовсе исчезнет.

В другом районе приходской жизни старообрядческой церкви

Трехречье события развивались несколько иначе. Трехречье тогда входило в Хулунбуирский округ Хэйлуньцзянской провинции. Гражданское управление округом было сосредоточено в руках начальника округа — даоиня. При даоине было собственное управление. В ведении даоиня находились уездные начальники, полицейское управление, пограничные караулы и городское самоуправление. Эмигрантские посёлки Трехречья управлялись старшинами, которые выбирались из среды поселенцев в каждом хуторе-посёлке и утверждались начальниками полиции. Во главе института старшин в Трехречье стоял «заведующий беженцами». Он являлся выборным лицом от всех хуторов-посёлков и утверждался в этой должности местными властями [9, 64].

"Церковь на чужбине" образование прихода в Трехречье связывает с именами протоиерея Иоанна Шадрин и станичным атаманом станицы Донинской подхорунжего Василия Марковцева. В 1920 году они предварительно условившись совместно бегут в пределы Трехречья. Первоначально богослужение организовано совершалось в землянках и только по воскресным и праздничным дням. Вечером вечерня, а утром часы, т.к. из книг был только часовник. Они начали учить детей церковно-славянскому чтению и пению, открыв две школы: о.Иоанн в пос. Верх-Кули, а В.С. Марковцев - в пос. Ключевая. О.Иоанн Шадрин кратковременно возвращается в ст. Донинскую, но потом вновь из-за преследований, с подложным паспортом перерядившись нищим через Борзинский пограничный пост бежит за границу.

В п. Верх-Кули о.Иоанн Шадрин приехал 19 июля 1922 года. В праздник Св. Пророка Ильи он совершает моление в досчатом сарае, и эта дата считается началом богослужения в старообрядческом приходе в Трехречье, где о. Иоанн Шадрин стал настоятелем, а В.С. Морковцев уставщиком-псаломщиком. Протоиерей о.Иоанн Шадрин в письме обращается к вл.Иосифу за разрешением и благословением открыть новый приход и построить храм.

Осенью 1922 года в п. Верх-Кули собрание постановило построить новый храм. Церковным старостой избрали В.С. Морковцева. Вырыли яму в 18,2 м. в длину и 13,7 м. в ширину. Поверх срубили 5 венцов с маленькими окошками под потолком. В

церкви-землянке св. литургию не служили, т.к. не было св. Антиминса. В 1923 году из ст. Донинской прислали св. Антиминс, иконы и несколько книг, и тогда уже начали служить литургию. В этой церкви-землянке пришлось служить 12 лет, улучшая внешний и внутренний вид.

К 1923 году [10, 4] от бывшего казачьего самоуправления не осталось и следа. Произвол, насилие и беззаконие к русскому эмигрантскому населению начали проявлять китайские чиновники, переведённые в Трехречье из Южных провинций Китая. Стала применяться система откупов должностей, взяточничество, “подарки”, угощения и “уважение” начальства вдвли от центра, при сознании полной безнаказанности за совершаемое. Казаки, в том числе и старообрядцы, понимали, что жаловаться было некому и некуда.

Китайские чиновники не позволили казакам своевольно избирать себе заведующего, и они избирались из числа тех, на кого указывал палец полиции. Выборное начало, исконная традиция казачества было упразднено. Заведующий беженцами назначался по указке полицейского пристава, хуторские атаманы были переименованы в старшинок и назначались тем же приставом из числа зажиточных эмигрантов, не считаясь с пригодностью его к выполнению им своих обязанностей. Требовалось лишь точно выполнять требование китайских “капитанов”, не считаясь с интересами эмигрантского населения. И такие заведующие беженцами слепо, услужливо и бесприкословно выполняли их требования, включительно до действий, граничащих с криминалом.

Казаки сознавали, что наступило мрачное время жизни в Трехречье. Всякое культурное начинание, предложенное казаками, если оно не было угодно заведующему и приставу с драгоманом вскоре пресекалось. Устройство куполов и поднятие крестов не разрешалось.

В такой обстановке приходилось старообрядцам строить свой храм. Старообрядческий священник, вероятно о. Иоанн Шадрин, получил разрешение у даоиня в центре, в Хайларе, что можно поставить на той небольшой церкви на куполе крест. Но, по прихоти местного полицейского чина - произвольному распоряжению приставу крест и купол были сняты.

Осенью 1925 года вл. Иосиф отбыл с архипасторским визитом в Трехречье. Он пребывал в Трехречье 4 месяца, что имело большое значение для трехреченских старообрядцев. В поселке Верх-Кули увеличилось число прихожан и храм стал не вмещать всех молящихся.

По освящении Петропавловского собора, в новом собственном помещении немного пожил вл. Иосиф. Болезнь и труды оказали своё действие на организм старца. В праздник Рождества Христова 1926 года ст. ст. недомогающий вл. Иосиф торжественно совершил богослужение. На третий день праздника с ним сделался удар, кровоизлияние в мозг. В праздник Обрезания Господня, 1 января 1927 года ст. ст. в 8 вечера, его святая душа отошла к Богу. 4 января состоялись похороны святителя Христова. Отпевание совершали: протоиерей И. Кудрин и священник И. Старосадчев. Покойный похоронен возле алтарной стены созданного им Петропавловского храма [2, 5-6].

В 1929 году старообрядцы вместе с многострадальным русским эмигрантским казачьим населением Трехречья благодаря попустительству китайской власти, отсутствию необходимой пограничной охраны пережили трагедию Русско-китайского конфликта. Тогда, когда представители власти позорно разбежались и население осталось на произвол судьбы часть старообрядцев вместе с о. Иоанном Шадриным приняли решение перебраться на временное жительство в Харбин. И только когда всё успокоилось старообрядцы Трехреченских поселков: Верх-Кули, Усть-Кули, Покровка и других стали думать о постройке нового храма.

Третий период соотносится с образованием государства Маньчжу-Го 1 марта 1932 года. В “Декларации о создании Маньчжу-Го” говорилось, что цель создания нового государства заключалась единственно в подчинении велению неба и благоденствию народа [11, 5]. В отношении жителей на территории нового государства не делалось никаких различий. Провозглашалось, что иностранцы, которые намерены жить в новом государстве долгое время могли пользоваться равными привилегиями, все их права обещано было защищать. Все силы предполагалось сосредоточить на иккоренении прежней тёмной политики. Было также обещано, что культура и религия будут уважаться. Таким образом провозглашалось

осуществление принципа Ван-Дао. В “Законе об обеспечении прав граждан” говорилось, что “каждый гражданин Маньчжу-Го пользуется равной защитой со стороны государства, независимо от его племенного происхождения и вероисповедания” [11, 30]. Было создано Министерство народного просвещения, в котором учреждался департамент церемонии и религии, в ведении которого находились дела, касающиеся духовного развития народа и религии. Теперь, в “Уголовном кодексе” существовала статья 179 о кощунстве над молитвенными местами и могилами, которая требовала наказания всякому виновному в публичном оказании неуважения к любым молитвенным местам и препятствовании религиозным церемониям, похоронам, проповедям и молениям [12, 33].

В этот период трехреченские старообрядцы, издатели сборника «Церковь на чужбине» в 1940 году писали в верноподданническом духе: «Мы здесь на просторах Маньчжурии нашли почти вторую свою родину. Нам свободно дозволяется соблюдать свою религию, обучать своих детей русской грамоте, преподавать детям Закон Божий, печатать книги, издавать газеты, журналы на своём языке, строить храмы, совершать богослужения, церковные процессии и пр.» [13, 2].

Казаки-старообрядцы в Трехречье 1932 году храм построили из лиственного леса, размером 9,24 м. длины и 7,11 м. ширины. Алтарь получился 4,27 на 4,27 м., для него писали иконы в древлеправославном стиле и построили иконостас. Зимой 1934 г. газета «Наш путь» писала, что старообрядческий протоиерей о. Иоанн Шадрин сообщил об окончании постройки новой церкви в хуторе Верх Кули забайкальскими казаками старообрядцами. Он заказал в Харбине новый иконостас и купил три колокола. Газета отмечала, что это результат внимательного отношения к религиозным вопросам новых местных представителей власти в лице г.г. Накамура, Сасо и монгольского губернатора провинции, которые разрешили эмигрантам казакам-старообрядцам постройку нового храма с куполами и колокольной [14, 4].

21 октября 1934 года по благословению вл. Иннокентия этот храм был освящен протоиереем Иоанном Шадриным и священноиереем Иоанном Старосадчевым, в присутствии всех старообрядцев Трехречья, в честь Успения Пресвятыя Богородицы. Св. Антиминс для

него прислал ценным пакетом епископ Кишенёвский Иннокентий.

Прихожан этого прихода насчитывалось до 100 семейств, около 600 душ обоего пола.

В Харбине был второй старообрядческий приход, где имелся храм во имя Успения Пресвятыя Богородицы. Этот приход с 1930 года состоит под непосредственным управлением епископа Кишенёвского Иннокентия, приславшего для храма св. Антиминс. Вначале молились в наёмном помещении, а потом в 1935 году, построили свой, хотя и небольшой, но уютный храм, в котором молились и в 1940 году. Священники для исполнения духовных треб и говения приезжали временно из Трехречья, а с 1939 года в этом храме служил постоянный священник о. Константин Прохоров, приехавший из Персии.

Здесь нужно вспомнить, что в Маньчжу-Го была создана антикоммунистическая организация Кио-Ва-Кай, которая провозглашала идеи охранения государства и повышения государственного духа, утверждая, что именно Кио-Ва-Кай есть духовный центр, духовный орган, подобный религиозному центру, к которому стекаются все молитвы. Эта организация выступала за идеи уважения человеческого достоинства; высокой оценки религии, морали, искусства; борьбы с материализмом и коммунизмом [15, 33].

Именно в Кио-Ва-Кай в конце 1930-х годов обращались старообрядцы Харбина во главе с о. Иоанном Шадриним, благочинным старообрядческих церквей в Маньчжу-Го. Он постоянно проживал в Трехречьи, но временно в Харбине по Строительной улице 17. Предметом их обращений были, как они считали незаконные действия о. Иоанна Кудрина. Также они обращались в Бюро по делам Российских эмигрантов, в Монархическое объединение. Но нигде не могли добиться положительных результатов [8, 5].

О. Иоанн Шадрин заявлял императорской военной миссии в Харбине, что деятельность о. Иоанна Кудрина являлась советофильской и вредительской. По его мнению о. Иоанн Кудрин произвёл в старообрядческом Петропавловском приходе раскол и стремиться всемерно привить церковной деятельности общины советофильскую полттическую тенденцию. Он обвинял о. Иоанна Кудрина в том, что тот открыто не признаёт зарубежную высшую церковную власть и не подчиняется распоряжениям этой власти,

заявляя. Что может быть одна только власть в лице советского епископа Афанасия. О. Иоанн Шадрин просил начальника военной миссии оказать содействие. Он указывал на то, что о. Иоанн Кудрин имел помощников К.А. Кондратьева и Е. М. Егорова и других, которые по примеру их вдохновителя позволяли себе вести советскую пропанду с церковного амвона и грозить прихожанам, признающим заграничную митрополию карами, когда, по их словам “измениться обстановка”. По мнению о.Иоанна Шадрина, последние слова являлись явным доказательством, тому, что о. Иоанн Кудрин и “вся клика его приспешников ждут советской интервенции”.

Это заявление рассматривалось в 3 отделе Бюро по делам Российских Эмигрантов лично генералом Кислицыным.

Несмотря на такое заявление, светская власть не стала вмешиваться во внутри-церковные дела старообрядческого Петропавловского прихода, приняв лишь к сведению эти выводы о. Иоанна Шадрина. Никаких репрессий со стороны Японской Военной Миссии не последовало по отношению к о. Иоанну Кудрину.

Таким образом, вышеперечисленные примеры показывают разное отношение светской власти к старообрядческой церкви от произвола до активной помощи и невмешательства в церковную жизнь. В целом светская власть особо не выделяя старообрядцев Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев приемлющих Белокриницкую иерархию) среди русских эмигрантов. Представители старообрядческой церкви принимали активное участие в общественной жизни российской эмиграции в Харбине, издавали брошюры, журналы, путешествовали по церковным делам в пределах Китая, переписывались с корреспондентами в СССР. Священники свободно удовлетворяли духовные нужды своих прихожан, несмотря на внутри-церковные разногласия по тем или иным вопросам. И эти тенденции нашли своё выражение в увеличении количества приходов старообрядческой церкви в пределах Маньчжу-Ди-Го и республиканского Китая.

В итоге же, по материалам старообрядческих журналов, маньчжурских и китайских источников можно говорить, что к концу 1930-х гг. на территории Северной Маньчжурии, как результат политики правительства Маньчжу-Го и Китая существовало пять

храмов Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев приемлющих Белокриницкую иерархию). В Харбине – два храма, во имя Святых Верховных Апостолов Петра и Павла и во имя Успения Пресвятыя Богородицы; в пос. Верх-Кули - храм в честь Успения Пресвятыя Богородицы; в пос. Покровка – храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и в Шанхае – храм во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы. Ещё один, шестой, храм во имя св. Николы Чудотворца строился в 1940 г. в пос. Хорото в Южном Чжалантуне (Чол).

И, установлено на основании различных источников, существование, по крайней мере, семи приходов Древлеправославной Церкви Христовой, старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии в Маньчжурии и Китае в начале 1940-х гг. Два прихода - в Харбине, два - в Трёхречье, один - в пос. Хорото в Южном Чжалантуне (Чол), один - в Шанхае и один приход в посёлке Николаевский, Алексеевской станицы (Тооген). Старообрядцы-поповцы проживали также в других городах Китая: Дайрене, Мукдене, Тяньцзинь и Циндао; на небольших хуторах Трёхречья и железнодорожных станциях КВЖД.

О количестве старообрядцев, проживающих в Китае в конце 1930-х гг. вопрос остаётся открытым на сегодняшний день. Но, как бы то ни было, в Трёхречье старообрядцев официально насчитывалось до 1700 человек, Успенский приход составлял около 600 человек, харбинский Петропавловский приход - не более 380 человек. Вероятно, всего можно говорить о нескольких тысячах человек.

В то же время, на советском русском Дальнем Востоке после карательной операции Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) в 1932-1933 гг. против Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев приемлющих Белокриницкую иерархию) церковная жизнь замирает, а после расстрела вл. Афанасия (в миру Амвросий Феофанович Федотов – 1877-1938) в 1938 г. и вовсе прекращается церковная активность на полтора десятилетия.

Источники и литература

1. Глава I. История. // "Церковь на чужбине", юбилейный журнал 1920-1940 гг. Издание Верх-Кулинского старообрядческого Церковного попечительства храма Успения Пресвятыя Богородицы в Трехречьи. - Харбин, 1940. - 56 с.
2. Духовный сын еп. Иосифа. Основатель Харбинского Старообрядческого прихода епископ Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока Иосиф. (краткая биография). // "Дальневосточный старообрядец". - Харбин, 12 июля 1935 года. Издатель К.И. Кудрин, - 33 с.
3. И-чъ. Старообрядцы в Китае. // "Церковь". - М., 1908, № 37. - 1484 с.
4. Обозреватель. Краткая история Харбинского Старообрядческого Прихода. // "Дальневосточный старообрядец".
5. Старообрядцы в Маньчжу-Ди-Го. Старообрядцы по всему миру. Хроника. // "Церковь на чужбине".
6. Старообрядцы в Китае. Старообрядцы по всему миру. Хроника. // "Церковь на чужбине".
7. Обозреватель. Старообрядцы на Дальнем Востоке. // "Дальневосточный старообрядец".
8. Государственный Архив Хабаровского Края (ГАХК) Ф.830. Оп.3. Д.2529. Л.5.
9. В.А. Карамазов. Барга. Экономический очерк. Харбин. 1928.
10. И.И.Почекунин. Казачий уголок в Маньчжурии // «Путь». 24 ноября 1933. № 53. Харбин: типография Конная 22, д. Антипаса
11. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин. 1935. Выпуск первый.
12. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин. 1937. Выпуск четвёртый.
13. От издателей // "Церковь на чужбине".
14. Церковная деятельность казаков в Трехречьи. / Казачья хроника. // «Наш путь». 47 (133). 23 февраля 1933. Харбин: типография Конная 22, д. Антипаса
15. Что такое Кио-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой). Издание особого отдела Кио-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой). Харбин. 1938.